

История политического сыска как института по преимуществу внесудебного и незаконного преследования государственных (политических) преступников в XVIII веке еще не рассматривалась в таком объеме, как это предпринято в предлагаемой читателю монографии. При этом список использованной литературы по теме обширен, включает в себя десятки названий. Все эти работы касаются отдельных тем, сюжетов и аспектов истории политического сыска. О законодательстве в области государственных преступлений писали знатоки русского права XIX—XX вв. Как известно, в дореволюционной России историки права были весьма сильными специалистами и среди них немало ярких имен. В общих курсах лекций историки-юристы касались системы государственных преступлений и их преследования, хотя нельзя не заметить, что они не особенно углублялись в историю становления корпуса политических преступлений, не разбирали всех тонкостей политического процесса. При этом в историко-юридической литературе большее внимание уделялось древнерусскому праву, анализу Соборного уложения 1649 г. и меньшее — законодательству и практике политического сыска XVIII в. Все это кажется неслучайным. Режим самодержавия, окончательно оформившийся во время Петра I, сохранялся в почти неизменном политическом виде и в XIX в., а основные нормы действовавшего до XX в. Свода законов 1832 г. о преследовании за государственные (политические) преступления, в том числе за оскорбление чести государя, во многом повторяли положения петровских законов (792, 23—26)¹. А это означало, что предмет исследования не был так уж безопасен для исследователя, порой написанное им, кабинетным ученым, о политических репрессиях далекого прошлого становилось излишне актуальным, вызывало опасные ассоциации со временем, в котором он жил.

¹ В тексте книги применена следующая система примечаний в скобках: полужирным курсивом указан порядковый номер помещенного в конце книги единого Списка источников и литературы, далее указаны том (вып., часть, книга) и страницы. Для Полного собрания законов Российской империи (587), Актов исторических (104) сделано исключение: вместо страницы указан номер закона.

Ясно, что только после появления в России независимого суда, только после событий 1905 г. историк права мог спокойно сообщать читателю: «Ничем так ярко не характеризуется гражданский и политический порядок, как степень вмешательства или невмешательства власти в отправление суда». Более того, писал он, там, где организация государства «построена на началах абсолютизма, то есть вся полнота верховной власти стягивается в руках одного физического лица, там каждое политическое преступление воспринимается последним как личное посягательство против него, против его особы и прав, ему принадлежащих», ведет к более похожей на личную месть расправе «над человеком, подозреваемым в политическом преступлении» (77, 2 7).

Ко всему прочему архивные материалы по политическим процессам до начала царствования Александра II были фактически недоступны историкам. В тайны Тайной канцелярии и других подобных ведомств могли проникнуть только особо надежные и проверенные люди — такие, как академик Н.Г. Устрялов — автор «Истории царствования Петра Великого», шестой том которой стал известен общественности благодаря публикации в нем сенсационных материалов дела царевича Алексея Петровича (755). Лишь с 1860-х гг. XIX в. начинают появляться публикации по истории политического сыска. Среди счастливых, допущенных к ранее засекреченным материалам сыска, был занимавший высокое служебное положение (с 1882 г. — директор Общего архива Министерства двора) Г.В. Есипов, о котором в 1884 г. тогдашний сатирик Владимир Михневич писал, что Есипов «“свой человек” в государственных архивах, из которых и черпает, с трудолюбием запасливой пчелы, архивный мед для своего иждивения. Благодаря этой, недоступной для других исследователей привилегии г. Есипов и за историка прослыл, хотя его труды («Раскольничьи дела XVIII столетия», «Сборник документов по делу царевича Алексея» и прочие) состоят, собственно, в списывании, на низывании и подшивании из архивов однородных материалов, без всякой почти разработки» (477, 81).

В сатире Михневича много правды, за исключением последнего утверждения. Наоборот, Есипов стремился (правда, не вполне удачно) так препарировать найденные им архивные материалы, чтобы с их помощью создать законченную историческую новеллу на историко-криминальную тему. В то время этот метод стал столбовым путем для историков политического сыска — взять из архива розыскное дело и создать из него документальный рассказ с элементами беллетристики: «Если бы в конце 1720 года мы отправились в мирную Хутынскую обитель, то приехали бы туда как раз кстати: вечерком, 23 ноября, у уставщика отца иеромонаха Никона Харкова была маленькая пирушка... Мы бы увидели вокруг ведра...» и т.д. Но это уже ци-

тата из новеллы другого крупного популяризатора исторических знаний, знаатока фондов политического сыска М.И. Семевского, который совершил немало «путешествий» в застенки XVIII в. (664, 30). По умению увлекательно и живо излагать сюжет нередко пространный и запутанный дела о государственном преступлении с ним не могут сравниться ни трудолюбивый, но скучноватый Есипов (отсюда и возникло впечатление Михневича о коллекционировании Есиповым фактов), ни чрезмерно увлекавшийся беллетристикой Д.Л. Мордовцев (482), ни другие авторы, которым Семевский давал место на страницах своей «Русской старины».

Значение этого издания для нашей темы огромно. Журнал Семевского печатал в большом количестве статьи о политическом сыске и публиковал документы. В этом с Семевским соперничал другой выдающийся исторический журналист П.И. Бартенев — основатель и редактор «Русского архива». Публикации о политическом сыске появлялись и в «Чтениях общества историков при Московском университете», и в «Древней и новой России». Печатали их и в «Историческом вестнике» С.Н. Шубинского и в других журналах, а также в отдельных сборниках материалов типа «Оснадцатого века» П.И. Бартенева или Сборника исторических материалов и документов М. Михайлова. Делать такие публикации было не очень трудно — до сих пор какой стороны жизни России XVIII в. ни коснешься — всюду наткнешься на следы работы политического сыска, идет ли речь о законодательстве, театре, фольклоре, журналистике или внешней политике. В советское время материалы политического сыска XVIII в. кормили множество историков, занятых изучением «классовой борьбы», социальных противоречий, восстаний К. Булавина, Е. Пугачева, а также биографий «деятелей освободительного движения» (А. Радищева, Н. Новикова и др.). Вслед за В.И. Ветерениковым, который дал в двух своих книгах 1910 и 1915 гг. детальный очерк истории петровской и анненской Тайных канцелярий как государственных учреждений, советские историки (К. Сивков, Н. Голикова и др.) продолжили изучение органов политического сыска уже как части карательной машины «классового господства помещичьего государства». В последние годы история сыска привлекает внимание ведомственных историков правоохранительных учреждений (преимущественно учебных), которые старательно ищут определенные черты преемственности в деятельности различных карательных органов прошлого и настоящего. Они изучают историю становления и развития в России органов полиции, политического сыска, анализируют систему государственных преступлений прошлого. Изданные в «Библиотечке сотрудников органов внутренних дел» или в виде бесчисленных «сборников научных трудов», «учебных пособий», эти работы хотя и по-

строены отчасти на привлечении архивных документов, но в основном историковедчески беспомощны. Они несут на себе отпечаток «ведомственной науки» с характерным для нее отрывком изучаемого предмета от исторического контекста, дилетантским антиисторизмом.

Источниками данной работы являются многочисленные публикации материалов по политическому сыску в различных журналах и сборниках. Это отрывки из следственных дел, приговоры, показания, это целые дела. Особое внимание мною уделено архивному материалу, ранее недостаточно введенному в научный оборот. Речь идет, прежде всего, о фондах (разрядах) 6 («Уголовные дела по государственным преступлениям») и 7 (Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция), а также других фондов Российского государственного архива древних актов. Во введении к книге, которая посвящена анализу специфики исторических документов политического сыска, нет необходимости давать им какую-либо характеристику. Это будет сделано в конкретных главах книги.

Цель данного исследования отражена в его названии. Моя задача сводится к изучению различных аспектов этой важной в истории России темы. Во-первых, мне кажется важным проследить формирование и номенклатуру системы государственных (политических) преступлений. Во-вторых, нужно дать очерк эволюции органов политического сыска и уделить место их руководителям. В-третьих, в такой книге важно достаточно подробно рассмотреть «технологию» сыска, начиная с доноса (извета), ареста и кончая смертью или освобождением попавшего в политический сыск человека, который, выступая в роли изветчика, ответчика или свидетеля, проходит все этапы расследования. В-четвертых, кажется важным собрать, подчас по крупицам, сведения о том, как воспринимался политический сыск в русском обществе. Наконец, в-пятых, важнейшей, сквозной темой книги является тема «Самодержавие и политический сыск» — два исторических института, теснейшим образом связанных друг с другом.

Было бы ханжеством сказать, что, работая над этой книгой, я не думал о ближайшем прошлом нашей страны и ее настоящем. Демоны политического сыска еще живы на Лубянке и Литейном, в сознании свободных граждан России. Ассоциативная, да подчас и прямая связь между историческим прошлым и настоящим с роковой неизбежностью возникает в сознании всех, кому за сорок. Дьявол все время толкал автора под локоть: «Зачем ты пишешь, что каторжане при Екатерине II на Камчатке “жили довольно свободно”? Пиши проще — “жили расконвоированными”! Зачем пишешь “допрос по свежим следам”? Пиши смело: “Момент истины”!» и т.д. Но я все время

держал себя в руках, не давал разыграться примитивным сравнениям и ненаучным фантазиям. Конечно, я мог бы посвятить эту книгу всем доносчикам русской истории, без упорного, творческого труда которых эта книга вряд ли была бы написана. Не будем забывать, что с изветов начиналось 99,9 % политических дел в России XVIII в. Однако такое посвящение будет понято как снобизм автора, а некоторые простые души даже поощрит к желанию так запечатлеться в будущей истории России. Поэтому я посвящаю эту книгу моим друзьям, коллегам, родным, которых я несколько лет безжалостно истязал рассказами об ужасах Тайной канцелярии. С теплым чувством я вспоминаю и моих японских коллег из Славянского исследовательского центра Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония). Там мне, получившему грант Центра, посчастливилось провести девять месяцев в 1996—1997 гг. Вдали от России и ее проблем, в комфорте и покое, которые создают иностранным ученым гостеприимные хозяева, я и написал (по собранным за несколько предыдущих лет материалам) эту книгу. Признателен я также и рецензентам моей рукописи Е.А. Правиловой и П.В. Седову, коллегам по Отделу древней истории Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, которые весной 1998 г. на заседании Отдела обсудили мою рукопись и сделали важные замечания. Благодарен я и сотрудникам Российского государственного архива древних актов и, в первую очередь, А.И. Гамаюнову, С.Р. Долговой, всем, кто словом и делом помогал мне в этой работе.

*Государственные преступления
в XVIII веке*

Появление в русском праве понятия о государственных (политических) преступлениях относится к так называемой эпохе Судебников конца XV—XVI в., когда в целом сложился свод законов Московского государства. В научной литературе нет единого толкования соответствующих статей и терминов Судебника 1495 г., Судебника 1550 г., уставных и наказных грамот середины XVI в., в которых идет речь о государственных преступлениях. Однако бесспорно, что в статье 9-й Судебника 1497 г., как и в статье 61-й Судебника 1550 г., восходящих в своем происхождении к статье 7-й Псковской судной грамоты, перечислены наиболее тяжкие виды преступлений, которые потом стали относить к государственным. Люди, совершавшие их, называются: «государский убойца», «коромольник», «церковный тать», «головной тать», «подымщик», «зажигалник» Судебника 1497 г., а также «градской здавец» и «подметчик» Судебника 1550 г. Всех их казнили (626-2, 55, 69, 108, 150).

Общепризнано в науке, что Соборное уложение 1649 г. впервые отделило преступления против государя и государства (как его владения) от прочих тяжких преступлений. Государственным преступлениям посвящена целиком 2-я глава Уложения, хотя они упоминаются и в других главах этого кодекса. Во 2-й главе говорится, во-первых, о преступлениях против здоровья и жизни государя, во-вторых, об измене — преступлении против власти государя, которое заключалось в смене подданства, бегстве за рубеж, а также в связях с неприятелем в военное время или сдаче крепости врагу, а также в намерении это совершить («умысел»). В-третьих, как отдельный вид преступления выделен в Уложении «скоп и заговор». Историк права Г.Г. Тельберг не без оснований считал, что весь корпус государственных преступлений по Уложению сводится, в сущности, к двум их важнейшим видам, а именно к посягательству на здоровье (жизнь) государя и к посягательству на его власть. При этом к последнему виду преступлений относились самые различные деяния — от претензий на престол и помощи вторгшейся на территорию России армии иностранного государства до описки в документе с титулом государя (727, 57—58).

Русскому праву времен Уложения в целом не присуще четкое разделение преступлений на виды и классы, поэтому любая наша классификация этих преступлений останется весьма условной. К самым различным преступлениям (от кражи на базаре до крупномасштабного мятежа) применяется одно понятие — « в о р о в с т в о » (здесь и далее — разрядка моя. — *Е. А.*). Мелкий воришка (например, «овощной вор»), старообрядец, бандит с большой дороги, изменник-гетман называются одинаково « в о р а м и ». Для оценки преступных деяний русский законодатель также широко использует другие, не менее обобщенные понятия: «лихо», «зло» («злое дело»), «дурно», под которыми также понимали самые разные преступления. Зыбкость юридических понятий, которыми законодатели определяли государственное преступление, отразилась и в соответствующей этим понятиям шкале наказаний. Обращает на себя внимание очевидная неравноценность и множественность наказаний. Если множественность присуща отчасти и современному праву (например, преступника наказывают тюремным заключением и конфискацией имущества), то неравноценность наказаний, когда за одно и то же преступление приговоренным назначали разные виды экзекуции, характерна как раз для прошлого. Исторически это объясняется особенностями развития права в эпоху средневековья, а также характерной для России сложной эволюцией юридических понятий и классификаций государственных преступлений в период становления и упрочения самодержавия.

Право эпохи судебников, т.е. времени становления в России самодержавного строя, знает два основных вида государственных преступлений — к р а м о л у (в е р х о в н у ю и з м е н у), т.е. измену вассала в виде перехода — «отъезда» к другому сюзерену, и з е м с к у ю и з м е н у — сдачу крепости неприятелю (такой преступник назывался «градосдавцем»). Но затем в XVI в. число государственных преступлений увеличилось, а кодификация их была ускорена. Эти явления связаны с развитием режима самодержавия в его тиранической «редакции». Как справедливо писал М.Ф. Владимирский-Буданов, «вообще, царствование Грозного и Бориса Годунова, а равно Смутное время, представляли самую плодотворную почву для практического развития учения о политическом преступлении» (188, 343).

С этих времен государственные преступления понимались прежде всего как преступления против г о с у д а р я, а потом уже против государства. Лишь к середине XVIII в. стало более-менее отчетливо оформляться разделение понятий «государь» и «государство», на которое уже не смотрели как на вотчину государя (см. 769). Этот процесс «расщепления» затянулся надолго, и только в XIX в. уже не мог казаться странным вопрос, который задавал император Николай I встреченному им на улице столицы крестьянину:

«Ты государственный или мой?» (741, 210). Во времена Уложения 1649 г. или Петра I такой вопрос и в голову не мог бы прийти самодержцу — все в России было государево. Забегая вперед, отметим, что самое страшное преступление в Уложении — измену — понимали не как измену России, а как измену правящему в данный момент государю, во владении которого находится «Московское государство». Измена рассматривалась в статье 2 главы 2-й этого кодекса как переход подданного царя на сторону претендента на русский престол — того, «кто, при державе царьского величества, хотя (т.е. желая. — Е. А.) Московским государством завладеть и государем быть». Буквально так оценивали в 1682 г. измену князей Хованских, которые, как сказано в грамоте царей Ивана и Петра, «хотели нас, Великих государей, извести и государством нашим завладеть и быть на Московском государстве государем» (195, 152). Сдача города врагу по Уложению — это уже не «земская измена» удельной старины, а измена владеющему городом государю в пользу его соперника — «недруга царьского величества» (глава 2-я, статья 3). Трактовка государственных преступлений как наказуемых деяний, направленных преимущественно против государя, его власти и его владений, в сочетании с исключительными полномочиями самодержца в решении дел о таких преступлениях и породили то явление, которое принято называть «политическим сыском».

История правового оформления корпуса государственных преступлений к середине XVII в. тесно связана с историей становления и упрочения самодержавия как политического режима. Во-первых, в оформленной Уложением системе государственных преступлений самодержавие как неограниченная ничем и никем власть нашло свое юридическое обоснование. Составители статей 12 и 22 главы 2-й Уложения исходили из того, что дела по государственным преступлениям являются исключительной прерогативой самодержца: «Про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет» или «За то чинити жестокое наказание, что государь укажет» и т.д. Естественно, что эти нормы Уложения 1649 г. о государственных преступлениях появились не в момент составления этого кодекса, а сформировались задолго до него. Они отражали эволюцию права, традицию, общие тенденции развития самодержавной власти и ее институтов. «А в пене, что государь укажет, посмотри по человеку» — эту норму фиксирует Судебник 1550 г., как и другую: «Быти от государя в опале» (626-2, 98, 101, 132, 137).

Во-вторых, в составе государственных преступлений по Уложению появляется голый умысел, неосуществленное намерение к совершению преступления. Это было нововведение для русской юридической мысли середины XVII в., хотя комментаторы последнего издания Судебника 1497 г.

считают, что норма наказания за умысел присутствует уже в этом кодексе (626-2, 69–70). Общая же идея Уложения об обязательности наказания тех, «кто каким умышлением учнет мыслить», кто (по мнению власти) вынашивает «злое умышление», «мыслит... злое дело», «какое злое умышление учнет мыслить» (195, 157), также вытекает из истории становления русского самодержавия в его деспотической форме.

В-третьих, Уложение законодательно утвердило давнюю практику фактически безусловной и безвозвратной («безповоротной») конфискации поместий, вотчин и имущества государственных преступников («Взяти на государя», позже — «Отписать на государя»). В этом также нельзя не усмотреть отражения процессов, происходивших в истории развития земельной собственности с тех времен, когда великий князь Дмитрий Иванович в 1373 г. «вступился в села» бежавшего к тверскому князю боярина Вельяминова (535, 34–38). Конфискация владений и богатств подданных стала обязательной в ходе политического процесса, причем нередко его истинной целью.

В-четвертых, Уложение 1649 г. закрепляло положение об особой ответственности и преследовании родственников государственных преступников. В этом можно усмотреть древнейшую традицию клановой, групповой ответственности родственников за преступление своего попавшего в «опалу» сородича. Отчасти такое положение сохранилось в XVIII в., что мы видим на примере казней и ссылок высокопоставленных вельмож-преступников вместе с их сыновьями, родственниками и домочадцами, подчас не имевшими никакого отношения к преступлению. Вместе с тем статьи Уложения об ответственности родственников (глава 2-я, статьи 6–10) отражали характерные черты правового режима именно самодержавия. Вина родственников, согласно Уложению, была не в том, что они — родня преступнику или что они живут с ним под одной крышей, а в том, что они не могли не содействовать преступлению против государя (458, 155). Точнее сказать, в Уложении речь идет не просто о «пассивном соучастии», как ошибочно считает А.Г. Маньков, а о преступлении родственников в форме *не до не с е н и я* об умысле преступника — близкого им человека. Примененный в Уложении критерий «Про ту измену ведали» или «Про ту измену не ведали» стал важнейшим именно в праве самодержавной эпохи, ибо в русскую жизнь донос как институт пришел вместе с самодержавием, точнее с укреплением власти Великого Московского князя. Именно он сделал донос обязанностью «отъезжавших» к нему в подданство князей и бояр (подробнее см. 727, 121). Не случайно и то, что эти статьи 2-й главы Уложения предшествуют статьям 12–19, которые посвящены важнейшему институту сыска — доносительству, извету.

Законодательство о политических преступлениях Петровской эпохи было органичным продолжением права времен царя Алексея Михайловича. При этом нормы Уложения 1649 г. были существенно дополнены рядом новых законов. Важнейшим из них является «Устав Воинский» 1716 г., включивший в себя «Артикулы воинские и Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. (см. 158). В этих документах не только дано определение самодержавия и сказано о гарантиях его полной неподконтрольности законам или воле людей, но и уточнен корпус государственных преступлений. В них также закреплены основы нового процессуального права, которые широко использовались в политическом сыске. Несмотря на появление в языке того времени близких и нам понятий «Отечество», «верные сыны Отечества», люди XVIII в. были все же не подданными России, а подданными правящего государя. Они присягали в верности не Отечеству, не России, а «Отцу Отечества», обещая самодержцу и «по нем Е.ц.в. высоким законным наследником... и Ея величеству государыне — царице... верным, добрым и послушным рабом и подданным быть» (193, 483; см. 587-5, 3294). Поэтому государственные преступления оставались преступлениями прежде всего против государя и его власти.

Вместе с тем система государственных преступлений первой четверти XVIII в. развивалась под непосредственным и сильным влиянием популярной тогда протестантской концепции «общего блага», доктрины «полицейского государства», которая строилась на значительном усилении регулирующей роли государственной власти в жизни общества. Это приводило к распространению мелочного, навязчивого контроля государства за жизнью подданных государя. При наказании в 1733 г. солдата Бронникова за пьянство и драку произошел инцидент. Он «всех ундер-афицеров и салдат бранил матерно и называл бунтовщиками, и изменниками, и стрельцами... слабой командой», что вызвало возмущение прапорщика Кузнецова, который сказал: «Слыхал он, Кузнецов, как государю стрельцы противны зделались и за то они кажнены и розосланы в ссылки, а мы — люди регулярные, ежели нам не слушатца своих камандиров, то нехорошо, и ежели с вами поступать и каманду содержать слабо, то слышал он, что с л а б а я к а м а н д а п о д о б н а и з м е н е ». После этой сентенции Бронникова отвезли в Тайную канцелярию (44-4, 165).

Высказывание прапорщика Кузнецова лежит в русле общих идей петровского законодательства. Главной чертой развития права того времени стало расширение сферы действия законов о государственных преступлениях. В число таких преступлений вошли те деяния, которые ранее государственными преступлениями и не считались. В праве и публицистике появляются

понятия: «интересы государственные», «интересы государственные и всего народа» и, соответственно этому, обнаруживаются нарушители этих интересов — «преступники и повредители интересов государственных с вымысла» (587-5, 2673). Собственно тогда и образовалось это понятие — «государственное преступление», которое юристы того времени трактовали весьма широко как нарушение «интересов государственных и всего народа». В указе 24 декабря 1714 г. о таких преступлениях сказано обобщенно — это «все то, что вред и убыток государству приключить может» (193, 211; 587-5, 2871). Конкретно к государственным преступлениям стали относить различные проступки по службе, умышленное неправосудие, финансовые и иные преступления, обычно включаемые современными историками-юристами в рубрику «Преступления граждан против порядка управления». Естественно, что многие из этих деяний прямо не были связаны с преступлениями против государя и его власти.

25 августа 1713 г. был издан именной указ, дополненный через два месяца указом от 23 октября. Оба закона стали принципиально важными для истории политического сыска. Авторы указа 25 августа попытались отделить государственные преступления от частных («партикулярных прегрешений») чиновников. О последних уточнено: «...то есть в челобитчиковых делах взятки, и великие в народе обиды, и иные подобные тем дела, которые не касаются интересов Государственных и всего народа». Новое деление преступлений кажется весьма условным: ведь чиновники-взяточники в принципе ничем не отличаются от упомянутых там же «грабителей народа», чинящих «во всех делах неправды и тягости». И все же различия эти, по мысли законодателя, были. Государственное преступление состояло в нанесении ущерба не конкретному человеку, давшему чиновнику взятку, а всему государству, всему обществу. После указов 1713 г. к числу государственных преступников относили не только нарушителей главы 2-й Уложения 1649 г., вроде Ивана Мазепы или Кондратия Булавина, но и всех корыстных чиновников — «грабителей народа», совершавших «похищения лукавые государственной казны», а также казнокрадов, которые обирают народ, чинят ему «неправедные, бедственные, всенародные тягости». К таким преступникам относили и налоговых чиновников, судей, различных администраторов — словом, всех, кто делает «во всех государственных делах неправды и тягости» (587-5, 2673 и др.). Для таких преступников, называемых также в указах «хищниками интересу» (9-3, 107), закон установил весьма суровые наказания.

В проекте нового Уложения, которое Петр I намеревался создать в начале 1720-х гг., отчетливо видна любимая царем идея разделения всех преступлений на «государственные» и «партикулярные». В указе Петра Сенату об этом говорилось: «В Уложенье зделать надвое: одно государственное

преступление, другое — партикулярное». Над этим работала Комиссия об Уложении 1720—1723 гг., причем при создании нового кодекса законов корпус государственных преступлений предполагалось резко расширить (193, 336; 303, 10). Тогда же было обобщенно сказано, что государственный преступник — тот, кто подлежит смерти «яко нарушитель государственных праф и своей должности». В основе этой суровой нормы — проводимая во многих законах мысль Петра I о том, что чиновник-преступник наносит государству ущерб несравненно больший, чем воин, изменивший государю на поле боя: «Сие преступление вяще измены, ибо, о измене уведав, остерегутца, а от сей не всякой остережется, но может зело глатко, под кровлю долго течение свое иметь и зло конец получить» (193, 132).

Столь широкая трактовка понятия «государственное преступление» как подлежащего исключительной прерогативе государя вошла в противоречие с повседневной практикой. Государь оказался физически не в состоянии справиться с тем потоком дел о преступлениях, многие из которых стали теперь называться государственными и, следовательно, подлежали его исключительной компетенции. Поэтому уже в 1710-х гг. проявилась тенденция хоть как-то выделить из чрезвычайно разросшейся массы государственных преступлений те, которые должны относиться к сфере ведения самодержца. В указе Сенату от 23 декабря 1713 г. Петр потребовал «объявить всенародно: ежели кто напишет или скажет за собою Государево слово или дело и те б люди писали и сказывали в таких делах, которые касаются о их государском здоровье и к высокомонаршеской чести, или уведав какой бунт и измену» (36-2, 6). Так подчеркивалось намерение сохранить старый корпус государственных преступлений по Уложению. В указе 25 января 1715 г. корпус дел по преступлениям, которыми занимался государь, существенно уточнили, вернее — сузили. Отныне прямо царю подавали изветы по трем «пунктам»: «1. О каком злом умысле против персоны Его величества или измене. 2. О возмущении или бунте. 3. О похищении казны» (193, 364; 587-5, 2887).

С 1715 г. появились и маркирующие важнейшие государственные преступления термины. Если человек «сказал Слово и дело по первому пункту» (варианты: «Знает он по первому пункту», «Имеет слово против первого пункта», «Доносит ис перваго пункта» (42-1, 109; 8-1, 146 об.), то речь, следовательно, шла о покушении на государя или об измене ему. То же можно сказать о выражении: «Имеет Его и.в. великую важность по первому пункту» или «по первым двум пунктам» (42-1, 3). По «второму пункту» надлежало хватать всех бунтовщиков и заговорщиков. Когда же в документах сыска встречается оборот «Показал... о похищении интереса» или упоминается до-

нос «о краже государственного интереса» (8-1, 358 об.), то это означает, что изветчик обвиняет кого-то в казнокрадстве или ином хищении государственной собственности — словом, в нарушении материальных интересов государства, т.е. в совершении преступления «по третьему пункту» указа 1715 г. Такие дела стали называться «интересными». Позже доношения «по третьему пункту» из-за несметного их числа и бесцеремонности толп доносчиков, рвавшихся на прием к царю, запретили. Их передали фискалам, а также в особые розыскные «мазорские» канцелярии.

Так оформилась самая общая классификация государственных преступлений. Петр уточнял ее в 1723 г., во время работы над указом «О форме суда». От этого времени сохранилась записка царя, где о государственных преступлениях сказано в двух вариантах: первый — «Государственные дела разумеютца: измена или злодеяния на государ[я] и государство и бунт». И второй — «Измена, злодейство или слова противные на г[осударя] и бунт». Второй вариант и вошел в закон «О форме суда» (193, 395, 400). Здесь от читателя требуется особое внимание. Как мы видим, к прежнему «набору» государственных преступлений прибавлены «слова противные на государя», т.е. столь печально знаменитые оскорбляющие государя и его власть «непристойные слова». Конечно, в практике политического сыска такие «непристойные», «злые», «непотребные» слова задолго до 1723 г. рассматривались де-факто как преступление, но теперь они были включены в общий индекс главных преступлений де-юре.

Окончательно же классификация государственных преступлений уточнена в указе Анны Ивановны от 2 февраля 1730 г. В нем так сказано о преступлениях по «первым двум пунктам»: «1-й пункт. Ежели кто, каким умышлением учнет мыслить на Наше Императорское здоровье злое дело или персону и честь Нашего Величества, злыми и вредительными словами поносить. 2-й. О бунте или измене, сие разумеется: буде кто за кем подлинно уведает бунт или измену против Нас или Государства» (199, 531). В таком виде определение важнейших государственных преступлений и сохранилось на весь XVIII в.

Тогда же преступления против «казенного интереса» по «третьему пункту» окончательно исчезли из корпуса важнейших государственных преступлений. Однако при этом к классификации Уложения 1649 г. не вернулись. Его 2-я глава действительно осталась в основе права о политических преступлениях, но кодификационная, государственная, идеологическая деятельность Петра I, потратившего так много усилий на создание «регулярного государства», не пропала даром для законодательства о политическом сыске. Вместе с правовым оформлением самодержавия как бесконтрольного режима личной власти в Петровскую эпоху завершилось и формирование

несравненно более обширного, чем в эпоху Уложения 1649 г., корпуса государственных преступлений. Рассмотрим виды государственных преступлений.

Как и в XVII в., самыми важными преступлениями считались *покушения на жизнь и здоровье государя* в форме физических, а также магических действий или умысла к этим действиям. Речь идет о разных способах нанесения ущерба здоровью государя — от убийства его до «порчи», с тем чтобы лишить его дееспособности, «завладеть его духовной самостоятельностью» (выражение Г.Г. Тельберга), подчинить волю государя себе с помощью чар, магических действий, предметов и снадобий. В истории XVIII в. таких случаев, которые можно было бы интерпретировать как реальные (а не придуманные следствием) покушения на жизнь и здоровье правящего монарха, фактически нет. Легендой кажется рассказ Якоба Штелина (со слов бывшего денщика царя Петра I А.Б. Бутурлина) о злодее, который в 1720 г. якобы пробрался в Летний дворец Петра I, чтобы его убить, но, столкнувшись лицом к лицу с государем, выронил от неожиданности из-за пазухи «превеликий нож» (664, 337–339). Даже убийство императора Павла I в 1801 г. можно рассматривать не как покушение на жизнь и здоровье государя, а как нечаянное, незапланированное следствие других преступлений: скопа, заговора и измены, т.е. преступлений против царской власти. Под эту же категорию подпадали и два других переворота, приведшие к свержению правящего монарха (25 ноября 1741 г. — свержение цесаревны Елизаветой Петровной императора Ивана VI Антоновича и правительницы Анны Леопольдовны и 28 июня 1762 г. — низложение императрицей Екатериной Алексеевной своего мужа императора Петра III). Допускаю, что часть покушений на государей XVIII в. была пресечена на раннем этапе их подготовки. Это соображение не позволяет установить, насколько опасны и исполнимы были замыслы покушавшихся. Естественно, что полностью отрицать наличие угрозы жизни самодержцев XVIII в. мы не решимся — в обществе всегда были сумасшедшие, неудовлетворенные честолюбцы, завистники, фанатики и другие люди, готовые покуситься на жизнь монарха.

Из раскрытых заговоров с целью (предположительно) покушения на жизнь государя следует упомянуть заговор окольничего Алексея Соковнина и думного дворянина Ивана Цыклера в 1697 г. Их обвиняли в попытке подговорить стрельцов убить Петра I, пренебрегавшего мерами безопасности. Соковнин якобы говорил Цыклеру: «Ездит государь около Посольского двора беспрестанно, одиночеством (т.е. в одиночку. — Е. А.) и в то-де время, ночью б стрельцы постерегли и убивство можно им учинить... также и

на пожаре бывает малолюдством. Нет-де тово лутче, что тут учинить. Спят-де они... дураки!» (212, 93). Разговоры об этом вели и со стрельцами, но среди них нашлись доносчики на Соковнина. Разумеется, мы, имея в руках только материалы розыскного дела, не можем наверняка утверждать, что это покушение действительно планировалось. Вместе с тем многие последующие события показывают, что в среде знати, недовольной победой в 1689 г. партии Нарышкиных — родственников Петра I, а также в стрелецкой массе накануне бунта стрельцов в 1698 г. были намерения физически устранить «нечестивого царя», повторить успешный майский 1682 г. мятеж и вернуть на престол царевну Софью. Цыклер был ранее тесно связан с царевной, и Петр I по этой причине ему не доверял, что и вызвало в конечном счете недовольство думного дворянина своим положением и сам заговор (160, 334). Известны и другие раскрытые заговоры, которые можно интерпретировать как подготовку к покушению на Петра I. Так, в 1703 г. в Черкасске арестовали 18 казаков. Их обвинили в намерении захватить царя, когда он появится на Дону (88, 16–17).

Так как угроза убийства монарха существовала потенциально всегда, а определить, насколько она реальна, можно было только при расследовании, то власти при малейшем намеке на подобный умысел хватали каждого подозрительного. 27 июня 1721 г. во время празднования в Петербурге юбилея Полтавского сражения Петр I стоял в строю Преображенского полка как его полковник. И трижды к нему подходил пьяный крестьянин Максим Антонов. Когда фурыер Емельян Аракчеев попытался арестовать Антонова, тот начал яростно сопротивляться. В завязавшейся драке на поясе у него вдруг обнаружился нож. На допросе в Тайной канцелярии Антонов утверждал, что «давно ходит с ножом для употребления к пище» и что он к царю «спяна подошел... и поклонился, а умыслу у него [не было], и ни от кого не научен, чтоб какое к персоне Его ц.в. учинить дурно не было». Антонову не поверили, так как по следам на его спине быстро определили, что раньше он был пытан и наказан кнутом. Подозреваемый признался, что вместе с бандой бурлаков он разбойничал на Украине, за что и понес наказание. Затем следователи установили, что Антонов — беглый помещичий крестьянин и что десять лет он не ходил к исповеди. Антонова заподозрили в принадлежности к расколу. В итоге было признано, что его попытки подойти к государю поближе не были случайны. Вскоре Антонова без углубленного расследования сослали в Сибирь «в вечную работу» (28, 2–6, 664, 12–13, 338, см. также 488).

И впоследствии попытки разных неизвестных людей подойти к государю поближе, прикоснуться к нему и тем нарушить так называемую «сакральную физическую субстанцию» самодержца рассматривались как опасные про-

Арест Цыклера

исшествия и вызывали серьезные подозрения. В 1733 г. сурово наказали солдата Федора Шишелова, который 3 июля «во время шествия Ея и.в. мимо Литейного двора подошел к корете Ея и.в. [и] говорил, что желает Ея и.в. донести» (43-1, 16). В 1730 г. тщательно расследовали дело крестьянина Алексея Сулова, который рассказал о каком-то человеке князей Долгоруких, только что сосланных в деревни, будто этот человек поведал ему о своем намерении «Ея величество из ружья грянуть». Человека этого так и не нашли, хотя искали долго и тщательно (8-1, 130). Из экстракта дел Тайной канцелярии за 1762 г. известно, что некий пойманный беглый солдат на допросе показал: какой-то польский ксендз «научил его учинить злое дело к повреждению высочайшаго Ея и.в. здравия и дал ему для того порошки и говорил-де, чтобы оные, где государыня шествие иметь будет, высыпать на землю». Внимание следователей привлек не только рассказ солдата о том, как он испытывал взрывной порошок на курах, которым оторвало ноги, но и та легкость, с какой преступник проникал в места, где пребывала государыня Елизавета Петровна. Оказалось, что он, «для учинения онаго злого намерения, наряжаясь в офицерское платье, ходил во дворец и ездил в Царское Село, токмо-де того злого своего намерения не учинил он от страху» (661, 524). В 1749 г. Елизавета распо-